

отвечать на очень непростые вопросы о жизни и своём месте в ней. Заставляли остро осознать, что рядом с таким человеком нельзя быть ленивым, равнодушным, пустым, что изо всех силёнок надо тащить себя за волосы из болота праздности, самодовольства, духовной ослабленности, обыденности чувств и впечатлений. Поэтому и нужно было усилие, осознание готовности меняться, расти, подниматься к этому человеку – простому, доступному, но в любой привычной иерархии всегда стоящему на порядок выше. Он, не предпринимая никаких видимых усилий, мощно побуждал к этим переменам – своей личностью и своими стихами.

Видимо, поэтому именно он по-настоящему приобщил меня – филолога, любящего слово по определению, – к Слову, к поэзии. Марк Либерович в тот знаковый приезд Леонида Андреевича на амурскую землю сказал о поэзии своего друга: «Это не стихи. Это разговор с миром, с Богом». Леонид Завальнюк словно помог мне, никогда раньше не считавшей себя ни знатоком, ни любителем поэзии, открыть накрепко законопаченное на зиму окно и впустить в душу свет, весну, запах клейких тополиных листьев. Помог понять, что же такое настоящее Слово. И кто такой настоящий Поэт, посвятивший этому Слову жизнь, не отвлекавшийся ни на что, способное сделать это Слово неискренним или неубедительным. Его стихи стали для меня тем самым «проводом сквозь вечную

тьму», который позволяет душе говорить с самой собой, с другими, с Богом. И благодаря этому разговору убеждаться, «что мир не злая шутка», что «Бог и истина – с тобой», что «смерти, смерти нет!»

Да, смерти нет! И поэт со мной. С нами.

С нами его стихи и проза. Его песни. Его картины. Они заставляют думать и меняться, вглядываясь в себя и в мир вокруг. Как-то в одну из первых встреч Леонид Андреевич прочитал стихотворение, в котором он звал «поднимать своё низкое небо вместе с жизнью, дарованной мне». Звал и зовёт каждого из нас – поднимать своё небо и подниматься самим. Понимая, что это не просто важно, но жизненно необходимо.

Я снова вспоминаю. 31 марта 2004-го года. Творческий вечер Леонида Андреевича закончился, мы спускаемся в холл университета и слышим, как репетируют своё выступление студенты факультета дополнительных профессий: «Счастья тебе и радости, мира и благоденствия!» Эти слова сопровождают Леонида Андреевича, с букетами цветов идущего к выходу. А хористы БГПУ, продолжающие репетицию, даже не подозревают, что автор песни, сопровождаемый такими добрыми пожеланиями, открывает в это самое время тяжёлые входные двери и выходит на улицу «лучезарного города», в котором когда-то, по его словам, «моя весна / мне двери отворила».

Владислав ЛЕЦИК

член Союза писателей России,
выпускник БГПУ 1967 года

«СНОВА СТИХАМИ ПОВЕЯЛО...»

Октябрь 1963 года. Первые – после месяца колхозных работ – занятия в пединституте. Весь наш первый курс истфила – полторы сотни студентов, литераторы вместе с историками, – собрался в 340-й аудитории на лекцию по психологии. Её читает Николай Иванович Кузьмин, двухметровый атлет, невозмутимый, сдержанный, умело маскирующий короткими, едва заметными паузами своё заикание – следствие фронтовой контузии.

– Существует легенда, что Юлий Цезарь мог одновременно делать три дела: писать «Записки о галльской войне», выслушивать сообщения гонцов и отдавать приказы военачальникам. Так вот, это всё выдумки. И я вам сейчас это докажу. – Николай Иванович обвёл взгля-

дом аудиторию. – Кто-нибудь выйдет к доске и попробует сделать хотя бы два дела одновременно: прочесть вслух любое стихотворение, которое помнит наизусть, и написать под мою диктовку не очень длинное предложение. Есть желающие?

– Есть! – тут же раздался бодрый возглас. Все оглянулись. Ну конечно!..

По проходу между столами вышагивал своей подпрыгивающей походкой энтузиаста не кто иной, как Юра Курячий, тридцатилетний первокурсник, сутуловатый, лобастый, с буйной рыжеватой шевелюрой и неизменной восторженно-выжидательной улыбкой на лице, окончивший очно лишь четыре класса деревенской школы, а

семилетку и десятилетку – экстерном, но зато имеющий одиннадцать специальностей – шофёра, тракториста, токаря, газосварщика – и прочая, и прочая.

Курячий встал у доски. Перед великаном Кузьминым он казался маленьким, хотя был среднего роста. Но в его широкоскулой худощавой физиономии было столько воодушевления и хитрости, столько уверенности в собственной неисчерпаемости, что аудитория заинтересованно притихла.

– Я сначала целиком прочту предложение, которое буду диктовать, – сказал Кузьмин. – Итак: «Задача психологии – познание объективных законов психической деятельности человека»... Вы уже решили, какое стихотворение будете рассказывать?.. Хорошо. Начали.

Юра схватил мел и, под диктовку преподавателя торопливо выводя на доске каракули, громко проговорил:

Снова стихами повеяло
От молодой травы...

Посмотрел на написанное собственной рукой – и уши его стали малиновыми. Помолчал, обескураженно повторил:

Снова стихами повеяло...

На этом милосердно остановимся. Так ли важно договаривать, что, с ходу запутавшись, наш Юра Цезарь бесславно удалился на своё место? Важно другое: именно стихи Леонида Завальнюка оказались первыми, которые пришли на ум Юре Курячему – не столь уж, заметим, большому знатоку поэзии. Для меня это лучшее свидетельство того, насколько популярен был в шестидесятые годы Леонид Завальнюк в нашем вузе. Да только ли в нём? Помню, как в археологической экспедиции 1965 года на Зее, в устье Громатухи, бородатый археолог Володя по фамилии Дедов (родом, что любопытно, из Домодедово), копаясь в раскопе, с грустной улыбкой читал наизусть:

Шутки шутками, а Бобик сдох,
От любви собака околела...

Все тогда читали и его стихи, и его прозу. А осенью 1967-го я, новоиспечённый сотрудник районной газеты, в клубе таёжного посёлка Ольгинск смотрел с моим новым знакомым, начальником драги Женькой Макогонским, недавно появившийся фильм «Человек, которого я люблю». Фильм закончился, я спрашиваю: «Ну как?» – «Здорово!» – говорит. – «Это по Леониду Завальнюку, – говорю. – Ты “Дневник Родьки” читал?» – «Читал. А ты с Завальнюком знаком?» – «Да, – скромно так киваю, – встречался».

Ну, трепло. «Встречался...» Идём как-то по Благовещенску с приятелем, а он мне: гляди – Завальнюк! Вижу: невысокий мужчина, молодой, лет всего на пятнадцать старше меня, но уже изрядно облысевший, разговаривает на тротуаре с двумя молодыми дамами. Они обе ростом выше его, но уж так им нравится с ним разговари-

вать, прямо-таки перебивают одна другую... Мы прошли мимо. Вот и вся «встреча».

Лишь где-то уже в конце семидесятых я впервые присутствовал на его беседе в областной писательской организации. Личного знакомства тогда не состоялось – я просто сидел в числе других и слушал. Помню, что его, в частности, спрашивали, зачем и как он пишет слова для песен. Он ответил:

– Песни, не в пример стихам, меня кормят. Хорошо оплачиваются. К тому же интересное занятие. Тексты песен – это не вполне стихи, а скорее что-то вроде либретто для музыки. Однако либретто тоже надо уметь написать, и это не так просто. Кое-кто пренебрежительно отзывается о поэтах-песенниках. О том же Николае Добронравове. А я его очень уважаю – он умеет! В тексте песен важно создавать словесные блоки, которые лягут на слух. Например: «Русское поле». Или: «Зелёное море тайги»...

Усмехнувшись, рассказал случай из своей московской жизни. Он пригнал свой «жигуль» на станцию техобслуживания – срочно сделать какой-то ремонт. Пузатый автомеханик ему отказал: надо было «положить на лапу» – а у Завальнюка таких денег не было. Но интересная деталь: хамски разговаривая с клиентом, пузатый механик одновременно мурлыкал под нос популярную тогда песенку: «Стара печаль моя, стара. Пора забыть тебя, пора...» – не подозревая, что слова песенки сочинил этот самый, стоявший перед ним, клиент.

– Мне хамит – и мою же песню мурлычет. А что мне делать? Пошёл восвосяси...

Познакомились мы уже в 1986 году на квартире у Николая Курочкина и Светланы Борзуновой, куда Завальнюк пришёл со своим другом Марком Гофманом. Потом встречались во время его приездов в Благовещенск ещё несколько раз – в писательской организации, в редакции «Амурской газеты», на квартире у Гофманов...

*«Где дом друзей – там родина моя...»
Слева направо: Леонид Андреевич
Завальнюк, Верлена Львовна, Юлий
Маркович и Марк Либерович Гофманы,
Владислав Григорьевич Лецик*

Главное впечатление – умный человек. Постоянно думающий. Выслушивает вопрос – и отвечает толково и конкретно. Часто его ответы нестандартны и неожиданны, но при этом – ничего ради красного словца, никакого необязательного трёпа. Совершенно не похож на поэтов, которых «заносит».

У нас были добрые отношения, но упаси меня Боже от хлестаковщины: «на дружеской ноге» я с ним никогда не был. Он, при всей своей простоте в общении, умел держать дистанцию. Тем непонятнее для меня было то, что случилось поздней осенью 1994 года. В маленьком двухэтажном особнячке на Калинина, 10, где в ту пору находилась редакция «Амурской газеты», организовали его встречу с любителями поэзии. Народу было много, потом, когда встреча закончилась и большинство разошлись, осталось человек восемь. Разговор стал свободнее, его просили почитать ещё и ещё. Кажется, немного выпили (к слову сказать, он никогда не злоупотреблял).

Перекур...

И вдруг, уставив в меня указательный палец, Леонид Андреевич произнёс:

– А Слава в будущем году начнёт писать стихи!

Вот тебе раз. С чего это он взял? Я никому не говорил, что в ранней юности, было дело, пописывал стихи. Но с той поры прошло лет тридцать! Да и вообще я уже утвердился в своей среде как прозаик... Какие стихи? Я пожал плечами да и забыл.

И вот тут – что хочешь, то и думай: он ошибся всего-то на два года! У меня, действительно, «снова стихами повеяло» – я опять начал писать их, но не в девяносто пятом, как выходило по его предсказанию, а в девяносто седьмом.

Однако это выяснится потом. А в тот вечер мы вышли из редакции «Амурской газеты», когда было уже темно. Завальнюк, Марк Либерович Гофман и сын его Юлий пошли к автобусу. Я проводил их до остановки и распрощался.

А наутро приходит на работу Юлий – мы работали вместе.

– Вот, Леонид Андреич тебе передал! – и, усмехаясь, кладёт передо мной лист бумаги, а там отпечатано на машинке стихотворение, озаглавленное: «Попытка

портрета. Сложная форма». Я прочёл – ничего не понял. Прочёл второй раз – кажется, что-то уловил. Прочёл третий раз – расхохотался, позвонил ему, поблагодарил.

Это неизвестное, нигде не печатавшееся шуточное стихотворение Завальнюка я прилагаю в конце своих заметок. А пока...

Последняя наша встреча была в апреле 2004 года, в последний его приезд в Благовещенск. Накануне своего возвращения в Москву он пришёл ко мне в «РИО» с отцом и сыном Гофманами. Были ещё поэты Игорь Игнатенко и Николай Левченко. Я расстарался накрыть стол: и холодец шикарный, и сало с мясными прожилками... Но углубляться в одно только примитивное застолье Леонид Андреевич не дал. Вкусили-выпили, и он сказал: «А теперь почитаем стихи». И мы читали их по кругу: я, Игнатенко, Левченко, Завальнюк.

А потом – лишь редкие телефонные разговоры с Москвой. Смерть своего друга, Марка Гофмана, он пе-

У В. Лецика в «РИО».

Второй слева – И. Д. Игнатенко

реживал тяжело. Гофман не дождался выхода в свет его последней и, как считал сам Завальнюк, лучшей книги – «Летела птица».

Эту книгу Леонид Андреевич переслал мне с okazji. На титульном листе написал:

✓ «Поэту Лецику от поэта Завальнюка с искренним профессиональным и всяким другим уважением. Будь счастлив, старик! Леонид Завальнюк. 20 октября 2009 г.».

...Заканчивая свои заметки, хочу вернуться к тому давнему, многим известному стихотворению – его я лишь обозначил в начале:

Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы,
Поверю, что вы наступаете
По руслу новых дорог,
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк...

Оно было напечатано на первой полосе обновлённой «Литературной газеты» – первый номер за 1959 год. Надо ли говорить, как гордились своим земляком на

Амуре! Однако вот что любопытно: сам Леонид Андреевич в последние годы оценивал это стихотворение невысоко. Ему горячо возражали, но он только головой в сомнении качал. Чуть было даже не выкинул его из сборника избранного — благо редактор Гофман не дал этого сделать.

Я не знаю, что именно ему не нравилось. Может быть, эти строки:

Зачем же вы молодость грабите,
Мимо стихов идя?..

Возможно, он видел тут экзальтированную асадовско-друнинскую назидательность, для него чуждую? Но это только моё предположение.

Леонид ЗАВАЛЬНЮК

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА. СЛОЖНАЯ ФОРМА

Лецик объелся клёцок,
Выросла борода.
Лецик, как вольный лёгчик,
Ищет свои города.

Лецик бежит по дороге,
Нежно трясёт колбасой,
Не помышляя о гробе,
О пиковой даме с косой.

Капусты не надо, не надо,
Импичмент валюте любой.
Под левой подмышкой — отрада!
Под правой подмышкой — долой!

Конечно, Леонид Завальнюк имел право на критическое мнение о собственных вещах. Тем более что он, буквально с первых публикаций заявивший о себе как о мастере, с годами писал всё лучше. Это поразительная особенность его таланта — постоянный, до самой старости, приток свежих сил в стихах, постоянная новизна горизонтов мира и уголков души.

И всё же это его молодое стихотворение я в обиду не дам никому, даже ему самому, умудрённому колоссальным опытом автору. Оно по-прежнему волнует меня. В нём живёт дыхание оттепельной эпохи, которая была временем надежд — и временем нашей юности.

А такими вещами не бросаются.

Октябрь 2011 г.

Вот он, движок на мазуте,
Статный, как старый грузин,
Красного кочета сути
В чёрность тщеты погрузил.

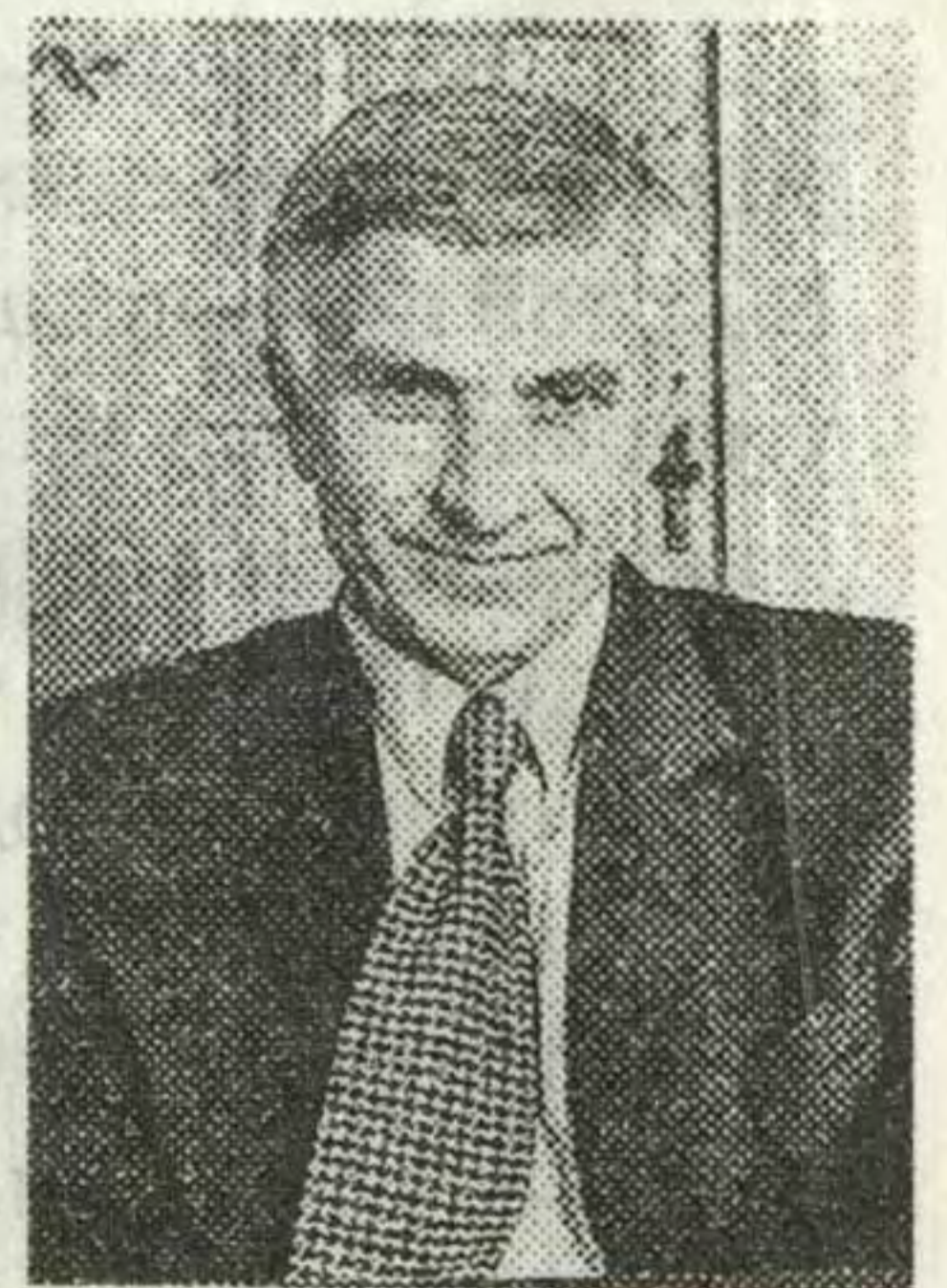
Вот он в четвёртой вселенной,
Следом за собственным «ах!»,
Жаркой надежды полено
Ищет в последних дровах.

И — «Лецик!» — зывают просторы,
Вольных небес мужики,
И принимает простое
Сложную форму тоски.

Октябрь 1994

Николай ЛЕВЧЕНКО

член Союза писателей России

ПРОГУЛКИ ПО ОСЕННЕМУ БЛАГОВЕЩЕНСКУ

Меня спросили — был ли я знаком с Завальнюком? Да — ответил я с некоей легкомысленной гордостью. Напишите о нём — последовала просьба, которая, по мере её исполнения, становилась всё более трудноосуществимой.

Наверное, дело в том, что мы не были ни близкими друзьями, ни сверстниками. Но, может быть, почувствовать себя близким с поэтом можно, читая его стихи. И всё же житейские обстоятельства нашего давнего зна-